

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ЭКЗАМЕН
Магистратура по специальности «Европейские языки и культуры»
Тартуский университет, Институт иностранных языков и культур
2024 г.

Направление «русский язык и литература»

Для письменного рассуждения (эссе) предлагаются фрагменты из интервью профессора А. Л. Зорина интернет-изданию *T-invariant*¹. А.Л. Зорин, литературовед и историк, рассуждает о ревизии русского литературного канона, о Толстом и Достоевском, о русской литературе и политике, о значении империй и современных попытках имперской реставрации. В чем вы согласны и в чем несогласны с ним? Сформулируйте свое отношение к проблемам, которые затрагивает исследователь, аргументируйте свою позицию.

Сегодня у имперства скверная репутация потому, что у некоторых политиков нет исторического чувства: им кажется, что эпоху империй можно вернуть

T-invariant: После 24 февраля ситуация, в которой находится русистика, сильно изменилась. У этого есть разные измерения, разные конфигурации. Как это видите вы?

Андрей Зорин: Ну, конечно, все, что связано с Россией, под подозрением, порой доносятся призывы вообще всю русистику раскассировать за бессмыслицей и вредностью. Я думаю, что разные гуманитарные дисциплины здесь в разной ситуации. История не будет отменена хотя бы потому, что история большого количества народов Европы и Азии связана с российской историей — так или иначе Россию и СССР тоже придется изучать. Но история обычно преподается на общих исторических факультетах и кафедрах, где есть чуть больше или чуть меньше специалистов по русской истории. На специализированных славистических кафедрах изучаются в основном русский язык, литература и культура. И в этом проблема, потому что русская литература традиционно считалась центром и сердечием национальной жизни.

Когда мне в Оксфорде надо было произносить инаугурационную речь, я читал доклад о Толстом. И сказал, что для всех мировых славистов Толстой и Достоевский — это как профсоюзные лидеры, которые обеспечивают нам достойные условия труда, наши зарплаты и позиции. Теперь эта ситуация изменилась: на русскую литературу стали возлагать ответственность за многие неприятные аспекты русской истории. Пушкин и Достоевский страдают в большей степени, Толстой и Чехов — в меньшей, но им тоже достается. Говорят о необходимости пересмотреть канон, одних классиков вовсе отменить, а кого-то (Гоголя, например) перевести в другую национальную культуру. Этот тренд невозможно не замечать. Мне-то проще, потому что мне недолго осталось. Через два года я выхожу на пенсию и могу себе позволить не оглядываться на текущие тренды. Я что хотел сделать, то и доделаю, е.б.ж. (если буду жив), как любил выражаться Толстой. А вот для молодых людей, входящих в профессию, находящихся в начале или на пике своей карьеры, конечно, проблема серьезная.

T-i: На самом деле, ревизия канона русской литературы началась еще до 24 февраля. Было понятно, что большой нарратив о «великой русской литературе» нуждается в переосмыслении. И мы начали что-то делать в этом направлении. Но при этом сама ценность русской литературы ни у кого не вызывала сомнений. Сейчас же ситуация кажется тупиковой. Можем ли мы вообще

¹ <https://www.t-invariant.org/2023/12/segodnya-u-imperstva-skvernaya-reputatsiya-potomu-chto-u-nekotoryh-politikov-net-istoricheskogo-chuvstva-im-kazhet-sya-chto-epohu-imperij-mozhno-vernut/>

найти какие-то аргументы в пользу того, чем занимаемся? Или мы уже не можем ничего сохранить и все просто разваливается? Паниковать или нет?

A3: Вы несколько раз употребили слово «мы»: мы расшатывали каноны, мы уже с ними работали. Я бы себя в это «мы» не включал. Я никакой канон не расшатывал. Наоборот, я очень большой приверженец канона. Литературный канон — это совместное творчество поколений, то, на чем стоит межпоколенная культурная преемственность. Если канон слишком застыл, конечно, стоит и порасшатывать, но, если его вовсе обрушить, культура перестает существовать.

Недавно меня коллега просил назвать пять основных русских писателей. Я ответил, что это легко сделать. Вот если попросить шесть или четыре, начинаются проблемы: кого вырезать или добавить. А если пять, более или менее все ответят одинаково — это Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой и Чехов — вариантов, в общем, нет. Конечно, есть канон XX века, очень важный и более проблемный. Но эта пятерка — неизменна.

Сегодня мне кажется своевременным попытаться отстоять канон в новых условиях. Любой канон — это самообогащающийся феномен, вбирающий в себя опыт новых поколений, способный порождать новые смыслы и отвечать на вновь возникающие вопросы. Он постоянно пополняется. Возникают новые имена, тексты. Что-то отходит на второй план, становится менее интересным, а что-то, наоборот, начинает привлекать повышенное внимание.

Канон — это не вещь, а процесс, он не застывает раз и навсегда, а обладает собственной динамикой. И, прежде всего, он постоянно переосмысливается и переинтерпретируется: мы берем от каждого автора и от каждого текста то, что нам от них нужно сейчас.

Конечно, если нам не нравится состояние страны или общественного сознания, то есть соблазн свалить все на канон. Но тут возникает опасность смешения перспективы. Всякому человеку свойственно преувеличивать значение того, чем он занимается. И поскольку люди, занимающиеся гуманитарными науками, производят дискурс, то им свойственно значимость дискурса бесконечно преувеличивать. В частности, на производителей слов начинают возлагать ответственность за историю. Но литература, даже самая гениальная, не создает истории, не генерирует ее травматический опыт. Она что-то про этот опыт рассказывает и осмысливает его. Благодаря великой литературе мы можем многое понять про культуру и общественное сознание в целом, причем не только в национальных масштабах.

Русская культура как ни одна другая европейская, была расколота. Триста лет культурного разлома, когда образованная элита и большинство населения смотрели друг на друга с непониманием и часто с неприятием. Снизу вверх — с презрением и ненавистью, сверху вниз — иногда с обожанием, иногда с чувством вины, иногда тоже с презрением, но всегда — как на чужого. Это основополагающая травма русской культуры.

Русский литературный канон — один из считанных, если не единственный институт, где этот разлом оказывается преодолен. Можно сказать, что если плохая литература нравится только неподготовленным читателям, хорошая — только подготовленным, то великая нравится всем. Здесь, в канонических текстах, и «сшивается» культура. Кажется, только здесь.

Поэтому изучение русской литературы — важнейший ключ не только к пониманию русского общества и русской истории, но и к пониманию сегодняшнего

состояния страны. И изучение это не должно сводиться, как это все чаще происходит сейчас, к вынесению моральных оценок — порицанию одних гениев или снисходительному одобрению других. Предельная сложность, которая допускается в таком разговоре — это отделить в творчестве какого-нибудь автора положительную, гуманистическую составляющую от ужасной, имперской или, например, мизогинной.

Честно говоря, я никогда особенно не любил Достоевского. Я всегда любил Толстого, с тех пор как первый раз прочитал в 12 лет «Войну и мир», Достоевский — не мой писатель, но сейчас впервые в жизни мне хочется думать о Достоевском.

Т-и: А почему? Что изменилось? Я знаю, что вы в последние годы занимались очень много Толстым, написали его биографию, предназначенную для достаточно широкого читателя. Связан ли ваш интерес к Толстому с вашим ощущением текущей ситуации в России? И почему вы говорите сейчас про Достоевского, почему он сейчас стал вдруг актуальным?

А3: Вы знаете, что касается Толстого, тут есть две стороны дела. Одна сторона дела — это моя личная биография. Я фанат Толстого с 12 лет, как я только что сказал. Я его перечитывал всю жизнь. И я как-то не мог решиться наконец заняться им профессионально. Отчасти потому, что считал, что о Толстом написано очень много — что еще я могу прибавить к сказанному большими учеными, отчасти потому, что было страшновато... Но наступил момент, когда я понял, что или за эту тему надо браться сейчас, или придется о ней забыть. И в этом смысле для меня это более личный, чем политический вопрос. Вопрос возраста, этапа жизни.

Другая сторона... Начав заниматься Толстым, я увидел, что я в тренде. Я попал в мировую волну интереса к Толстому, которая отчетливо дала о себе знать в дни столетия со дня его смерти в 2010 году, причем сначала на Западе. Потом, как всякая западная мода, она постепенно пришла и в Россию. И она не спадает. <...>

Целый ряд мировых трендов прямо соотносятся с идеями Толстого, особенно позднего. Вегетарианство, экологизм, критика урбанистической цивилизации, подозрительное отношение к сексуальности, очень характерное для сексуальной контрреволюции, которую мы переживаем сейчас, причем, одновременно и слева, и справа. Идея ненасильственного сопротивления как основной формы политического действия (может быть, последними событиями поставленная под сомнение, но предыдущие десятилетия уверенно набиравшая вес). Эта идея больше распространилась в изводе, приданном ей Ганди и Кингом, но и Ганди, и Кинг, были, как известно, учениками Толстого. Или взять хотя бы распространившуюся моду на дауншифтинг — Лев Николаевич, конечно, был убежденным дауншифтером. И так — что ни возьми: тут и борьба со смертной казнью, и то, что называется *penal abolition*, упразднение тюрем, критика идеологии патриотизма и представление об универсальности человеческой личности... То, что у позднего Толстого казалось странным, экстравагантным, стало теперь очень важным.

Не меньшим доказательством актуальности Толстого является та ненависть, которую он вызывает. Например, в России после 24 февраля людей с цитатами из Толстого арестовывали. И в каком-то из протоколов об административном аресте так и было написано: «За пропаганду идей Толстого».

Это то, что я говорил в начале про актуализацию канона... Толстой не выходил из канона никогда, но прежде всего как автор романов, исследующих то, что Чернышевский назвал диалектикой человеческой души... А про позднюю толстовскую философию было принято говорить с улыбкой. Доброжелательно к нему относившиеся люди считали: «Ну, на старости лет у людей бывают разное. Ну, гений может себе позволить

быть эксцентричным». А недоброжелательная реакция была: «Ну, просто спятил, впал в маразм». Сейчас именно поздние идеи Толстого стали мировым мейнстримом.

Но если нас волнует, как многих сегодня, имперство, понимание его внутренней логики, того, как люди оказываются подвержены этому соблазну, то продуктивней размышлять не о Толстом, который практически никогда не был ему причастен, а в конце жизни резко осуждал, а о Достоевском с его национально-религиозным мессианством. Он выразил это мироощущение с потрясающей силой. Наш сегодняшний социальный опыт говорит нам, что эта идеология приводит к страшным последствиям. Но если мы хотим ее изжить в человеке и обществе, надо понимать, откуда она берется, на каких эмоциях основана и в чем ее притягательная сила для совсем не чудовищных по своей природе людей, и, кстати говоря, далеко не только в России. Заменить Достоевского здесь нечем.

Т-1: Сейчас много говорят про «имперство». Иногда кажется, что это просто ярлык, который маркирует все плохое. Особенно странным кажется слово «имперец» применительно к писателям. Бродскому, Пушкину. Про Толстого тоже иногда говорят, что он был имперцем. Но что это значит? Разговор о так называемой имперской, если речь идет о России, об истории России — что это?

А3: Империя — это историческая формация, которая создавала идентичности, основанные на отчетливом разделении метрополии и периферии, или колоний. На это противопоставление можно смотреть по-разному. Гораций и Вергилий, которых никто, кажется, не предлагает пока отменять, гордились своей империей и своим императором, а, скажем, Лермонтов свою империю ненавидел и мечтал укрыться от ее царей «за стеной Кавказа». Как у большинства исторических образований, у империй были и привлекательные, и отвратительные стороны. Сплошь и рядом метрополия утверждала свое превосходство, в том числе и культурное, самым свирепым насилием. С другой стороны, очень многие империи гордились своей открытостью для выходцев из низов и социальных, и этнических. Люди из периферии приезжали, делали карьеры в столицах. Вспомним хотя бы Горация, как он стал любимым поэтом Августа... И у Пушкина, и у Бродского мы можем найти имперские мотивы, как и у многих великих, не очень великих и совсем не великих поэтов, писателей, художников из разных стран.

Империи возникали, переживали золотой век и рушились. В XIX веке империи повсюду начало трясти, а XX век принес гибель серии империй по всему миру. Из-за коммунистического эксперимента русскую империю в новой оболочке удалось сохранить на 75 лет дольше, чем другие континентальные, и на 30–40 лет дольше, чем большие морские. Сегодня у имперства скверная репутация потому, что у многих людей, особенно занимающихся большой политикой, нет исторического чувства: им кажется, что эпоху империй можно вернуть. Но, как пелось в одной пародии на советскую песню, «фарш невозможно провернуть назад». Попытки сделать это чреваты теми жуткими последствиями, которые мы наблюдаем.

Слово «имперец» само по себе не является ругательным. Мы, например, видим, что Британской империи, которая была гигантской — больше Российской — и до двадцатого века не менее кровавой, удалось как-то постепенно выстроить отношения с бывшими колониями. <...> Как-то эта имперская эмблематика адаптировалась к современности, поскольку сама империя, кажется, самая большая в истории человечества, не демонстрирует реваншистских настроений. Как говорится, умерла так умерла. Проехали.

При таком подходе империи можно изучать, находить в них и достоинства, и недостатки. Другое дело, когда империя естественным путем прекратила свое

существование, изжила себя, а ее труп пытаются силой оживить. Это, конечно, и ретроспективно меняет многие оценки.